

следование таких конструкций в языках разных типов может существенно продвинуть наше представление о распределении прагматических функций между прототипическим именем и прототипическим глаголом.

Приведенный пример показывает, что рецензируемая работа, с одной стороны, опирается на важнейшие достижения семантической и синтаксической типологии, а с другой – может дать импульс дальнейшим исследованиям в этой области.

К сожалению, на этом фоне огорчает слабое знакомство автора с образцами российской лингвистической мысли. В первую очередь, это относится к типологическим исследованиям недавно скончавшегося И.Ш. Қозинского, посвященным, в частности, ядерным (прототипическим) категориям [6]. Работы московской школы лексической семантики и, прежде всего, Ю.Д. Апресяна, существенны для понимания того, как значение лексемы может быть встроено в семантическую и прагматическую структуру предложения [7]. С этой же точки зрения, представляет интерес формальный язык для записи толкований, разработанный З.М. Шаляпиной [8].

Следует упомянуть и несколько досадных технических промахов. Так, в русском примере на стр. 201 содержится ошибка: следует читать *zaseivaet pol-e* (АСС). Две аналогичных таблицы – 2.4. (стр. 65) и 3.3. (стр. 137) – оформлены не вполне единообразно (ср. *valence/valency*, *state/siative*,

*O/zero*). Имеется опечатка на рис. 5.1. (стр. 185): следует читать: *passive agent comitative*.

Однако все упомянутые недостатки носят преимущественно периферийный характер. Книга В. Крофта – масштабное исследование, свидетельствующее о появлении значительного имени на типологическом горизонте.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wolkansky C., Poltoratsky M. Handbook of Russian roots.* New York. 1961.
2. *Croft W. Typology and universals.* Cambridge. 1990.
3. Мельчук И.А., Жолковский А.К. О семантическом синтезе. Проблемы кибернетики. 19. М., 1967.
4. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл-Текст". М., 1974.
5. Подлеская В.И. Вопросы лексической и синтаксической семантики: анафора в современном японском языке. М., 1990.
6. Козинский И.Ш. Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений. Дис... канд. филол. наук. М., 1979.
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.
8. Шаляпина З.М. Формальный язык для записи толкований слов и словосочетаний. Проблемы кибернетики. 36. М., 1979.

В.И. Подлеская

**Семенов А.Л. Лексикология современного китайского языка.** М., Наука, Главная редакция восточной литературы. 1992. 279 с.

Любое путешествие интересно. Приглашает и "сюжет" путешествия, и его цель, и даже экипировка. Книга А.Л. Семенова – тоже путешествие, но ментальное – в лексикологию. По тщательно и безупречно обдуманному маршруту, с подготовленным (вполне надежно) и проверенным рефлексивным инструментарием.

Такое путешествие интригует, заставляя вглядываться в знакомый (например, для китаиста) лексический материал или привыкать (некитаистам) к его непривычной семантической парадоксальности. Особенно интересной представляется середина этого путешествия – главы вторая и третья ("Проблемы лексико-семантической парадигматики" и "Лексические комплексы и их синтагматическая структура"). Первая и

четвертая главы – это своеобразная рамочная конструкция, позволяющая четче и яснее представить самое главное – характер и структуру семасиологического целоположения, национальную (точнее говоря, этническую) специфику смыслоформирования и смыслоформулирования в лексической системе китайского языка. Для чего же нужны были эти усилия? Пожалуй, ответом на этот вопрос служит четвертая глава ("Словари китайского языка и современные проблемы лексикографии"), в которой рассматриваются различные тактики фиксации лексического материала и того, что можно назвать *т е л о л о г и е й* (установкой) словаря: речь идет о способах выделения и толкования значений, а также о принципах определения объема словаря и характера

представления грамматической информации в том или ином словаре.

Весьма важным представляются мне в этой главе разделы 4.6. ("Проблемы безэквивалентной лексики в переводной лексикографии") и 4.7. ("Схема семантической классификации лексики китайского языка") – в первом из них проанализированы различия между китайскими и русскими полями названий наук и способов передвижения в транспортных средствах. Эти различия позволяют судить о компонентной (я бы сказал: семной) специфике соответствующих лексических единиц (в этом отношении А.Л. Семенов оказался бы полезными работы, выполненные в рамках воронежской школы, но, к сожалению, она их не учла). Такая специфика важна не только в лексикографическом, но и в педагогическом и переводческом планах. Во втором разделе представлена структурная схема идеографического (китайского) словаря Кураиси – схема, позволяющая А.Л. Семенову обсудить связь между структурным характером языка и зависящими от этого характера способами репрезентации языкового/речевого материала (в этом словаре используется частеречная идеографическая репрезентация) и наметить (конечно, не эксплицитно) пути соотнесения своего анализа с теми концептуальными ячейками, на которые разбит словарь Кураиси.

Если четвертая глава книги является ответом на вопрос: зачем это нужно?, то первая – ответом на вопрос об опорной лексической единице анализа, предлагаемого А.Л. Семеновым. Таковой, по ее мнению, может быть лишь первичная лексема (ПЛ). Первичные лексемы объединяются в классы в соответствии со своим "поведением" в той или иной среде: класс автономных, связанных, служебных и промежуточных (я сказал бы: синкретических) ПЛ. Из таких же классов ПЛ состоят и устойчивые словосочетания (фразеологизмы). Причем основным типом словосложения является атрибутивный (компенсирующий в китайском языке нехватку морфологических словообразовательных средств). Рассматривая классы этих ПЛ, А.Л. Семенов вынуждена была рассмотреть и другую сложную проблему – проблему различия (сложных) слов и словосочетаний. Такое различие, как она полагает, возможно, но лишь при том условии, что в основу различия кладется лексический комплекс – семантическое образование, реализующееся "... и на уровне слов, и на уровне словосочетаний, поскольку их внутренней структуре часто присущи общие законы" (стр. 30). Иными

словами, именно лексические комплексы и являются объектом анализа, а, точнее говоря, те взаимосвязи между исходными корпускулярными единицами, которые предопределяют семантическую конфигурацию этих единиц и, тем самым, их вхождение в класс слов или словосочетаний<sup>1</sup>.

Во второй главе своей книги А.Л. Семенов, рассмотрев понимание феномена синонимии в отечественных и западноевропейских работах, а также в работах китайских ученых, переходит к характеристике типов (и подтипов) синонимии в китайском языке (в связи с этим обсуждается проблема возможной замены одного слова другим в соответствующем контексте, что позволяет судить о степени их синонимичности; обсуждается нерелевантность звукового состава для характеристики его как синонима; вводится критерий сильной и слабой взаимозаменяемости и анализируются сложные образования, состоящие из синонимичных компонентов). В этой же главе обсуждается феномен антонимии: детально анализируются пять антонимических структурно-функциональных типов, порядок соотношения компонентов внутри антонимической пары, а также гипо-гиперонимические соотношения.

Особенно интересны в этой главе подразделы 2.4. ("Семантическое поле как целостная семантическая подсистема. Отношения между членами семантического поля") и 2.6. ("Компонентный анализ множеств связанных значений на примере семантического поля зрительного восприятия"). Раздел 2.4. позволяет судить не только о характере копулятивных комплексов, но и о корреляциях между ними (синонимических, антонимических и обще-

<sup>1</sup>Ход и характер обсуждения этих проблем (см. стр. 29–35) свидетельствует, на мой взгляд, о необходимости использования новых терминов-понятий, позволяющих видоизменить и расширить рассматриваемое поле рефлексии. Так, в книге вводятся понятия первичного идеограммического комплекса (например, *цингунье чжунгунье*) и вторичного идеограммического комплекса (например, *цинчжун гунье*), указывающих на две разных по своему характеру когнитивности (дискретную и недискретную) и позволяющих отграничивать их друг от друга: первый комплекс, по-видимому, является словосочетанием (идеограммидом), а второй – словом (идеосидом). Такой же принцип разделения применим, очевидно, и к анализу таких идеологов, как "ломка четырех старых", являющихся не чем иным, как сверткой когнитивно-когнитивных комплексов, в результате которой "экономятся" реляционные отношения.

ассоциативных) или, иными словами (см. с. 114–115), о тех коннотативных ореолах, которые присущи каждому копулятивному комплексу в соотношении с другим (для лексикографической практики и преподавания такие сведения крайне важны). В свою очередь, в подразделе 2.6. как, впрочем, и во всей главе, представлен образец анализа глаголов с общим компонентом "смотреть". Такой анализ позволяет судить о семантической спецификации каждого из них в зависимости от характера действия (время и направление), типу объекта восприятия и типу эмоционального отношения субъекта к объекту. Иначе говоря, в этом подразделе поле зрительного восприятия истолковывается как поле, позволяющее реконструировать характер поведенческого стереотипа носителя китайского языка, его языковые и неязыковые привычки и предпочтения, "локусы" его избирательности или неизбирательности, внимания или невнимания, имеющие большое значение для построения китайской "картины мира"<sup>2</sup>.

Видимо, к фоноэксептивам следует отнести *манлуань / луаньман, аньвэй / вэйань* и др. (с. 78). Что же касается слов (NB!) типа *даоу, туди* и *цзяохань*, то их следовало бы рассматривать как гомогентивы (образования, значение которых равно единице), возникающие на базе *диффузитивов* *дао* (девять значений), *лу* (три значения), *да* (три значения), *ту* (шесть значений), *цзяо* (шесть значений) и *хуань* (одно значение). Иными словами, диффузитивы следует рассматривать и как *парасеманты*, значение которых заведомо больше единицы.

В третьей главе книги лексические комплексы рассматриваются с формальной и содержательной точек зрения. А.Л. Семенас выделяет следующие типы сложения с синтаксически несамостоятельным первым или вторым компонентами, а также с обоими синтаксически несамостоятельными компонентами (с. 142–143).

<sup>2</sup>Для разграничения значений глагола *цзясао* (см. с. 50) целесообразно было бы считать, что *цзясао* и *цзыхао* – это единицы, которые следует считать полными *эксептивами* (единицами "принимающими" друг друга, а *цзясао, цзыда, цзяацзинь, цзяоци* – неполными) частичными *эксептивами*. По-видимому, на с. 60 также описываются *эксептивы*, причем полные, но уже другого вида – *фено-эксептивы*, появление которых можно объяснить и потребностью в языковой игре, и тончайшей фокусировкой в распределении значения при мене компонентов (ср. *шицзу-1* и *шицзу-2*).

А.Л. Семенас показывает, что существуют специфические модели сложения существительных, прилагательных и глаголов, а затем дает тщательный и убедительный анализ 52 классов эквивалентности, характерных для лексических комплексов (рассматриваются семантические реляции дублирования, дополнения, интенсификации, локализации, усреднения, соотношения морфо-семантических и лексико-семантических реляций, их продуктивность, частотность и вариативность и т.д. и т.п.), что позволяет составить достаточно полное представление о китайской семантической "технологии" – об ее элементах и операциональных приемах, позволяющих им существовать в виде некоторой целостности, указывающей, в свою очередь, на базовые составляющие, лежащие в основе китайской ментальности. Укажу в этой связи лишь на с. 186–187 книги, на которых обсуждаются вопросы смыслоформирования и смыслоформулирования таких лексических (вернее, когнитивных) комплексов, как *цичэ юань* и *шуйго юань*.

Я мог бы упрекнуть А.Л. Семенас, что на общем стилистически благополучном фоне книги встречаются досадные сбои (их мало). Есть и некоторые противоречия, есть и фрагменты, кажущиеся мне недостаточно убедительными. Я также посоветовал бы А.Л. Семенас быть осторожнее с истолкованиями следующего типа: "туфли: (изделие) ... – (имеющее голенище) ... сапоги: (изделие) ... + (имеющее голенище) ... носки: (изделие) ... + (имеющее голенище) ..." (с. 25–26), ибо если у сапог и есть голенища (а это, по В. Далю, "часть сапога выше подъема, обнимающая голень" [1, т. 1, с. 368]), то вряд ли можно полагать, что голенища есть и у туфель ("... башмаки без передков, подошва с передком" [1, т. 4, с. 444]), а о носках лучше говорить, что это – чулки без паголенка.

Встречаются в книге фрагменты, которые мне хотелось бы оспорить. Но, наверное, так и должно быть, если читаешь хорошую и толковую книгу.

И последнее. "Лексикология современного китайского языка" в том ее виде, в каком она представлена А.Л. Семенас, служит удачным и нужным дополнением к тем сугубо рационалистически ориентированным (но тоже нужным) работам (см., например: [2]), которые, конечно же, дают представление лишь о логическом каркасе языка, но не об языке как "семантическом поступке".

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. Т. 1–4. М., 1955.

2. *Шутова Е.И.* Синтаксис современного китайского языка. М., 1991.

Ю.А. Сорокин

**Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект /** Под ред. Земской Е.А. и Шмелева Д.Н. М.: Наука, 1993. 224 с.

Монографические исследования Института русского языка РАН, в основу которых положено изучение живой русской речи [1–5], оказали сильное влияние на развитие русистики. Эти труды способствовали изменению предмета лингвистического анализа (от книжно-письменных форм к устным разговорным), в значительной мере обусловили смену научной парадигмы в русистике [6], дали толчок к изучению разговорной речи регионов [7–11]. Рецензируемая коллективная монография – новый крупный шаг в исследовании разговорной речи.

Целенаправленный функционально-прагматический анализ речевого быта, который связан со смелым выходом за рамки "чистой" лингвистики, включение в предмет наблюдения речевого партнерства, отказ от уровневого подхода при анализе материала, учет внешних и внутренних факторов влияния на речевой акт в конкретной ситуации (в том числе фактора ментальности) – вот те достоинства коллективного труда, которые, как нам кажется, открывают новые перспективы развития современного речеведения.

Книга начинается с главы Т.Г. Винокур "Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего". Автором представлена типология речи с позиций целеполагания участников речевого общения. Отталкиваясь от основных языковых функций, Т.Г. Винокур переводит проблему в речедействительный план и дополняет понятие коммуникативных ролей говорящего и слушающего, так что дихотомия *и н ф о р м а т и в н а я – ф а т и ч е с к а я р е ч ь* получает социолингвистическое обоснование, а основным термином описания этих видов речи становится *р е ч е в о е п о в е д е н и е*.

Понятие фатического речевого поведения в трактовке Т.Г. Винокур значительно расширяет и корректирует сложив-

шееся представление о фатической (контактоустанавливающей) функции языка [12]. Фатическое речевое поведение определяется через его ситуативно-целевую задачу и обсуждается как самостоятельное речевое явление, могущее доминировать в речи. Трудно переоценить значимость этого впервые высказанного целостного представления о фатической речи как речи, осуществляемой в целях собственно общения. Автор выстраивает инвариантную оппозицию *и н ф о р м а т и в н о е – ф а т и ч е с к о е*, определяет сосуществование этих видов речевого поведения как коммуникативную норму социума в подавляющем большинстве речевых жанров, обозначает сферы наибольшей значимости фатического речевого поведения, прежде всего, это сфера употребления речевого этикета и бытовая речь. Заключение о психо-стилистической природе фатического речевого поведения приводит к чрезвычайно важному выводу о принципиальной двойственности социальной природы использования языка: фатическое намерение может привести к тому, что истинность или ложность высказывания *т е р я е т з н а ч и м о с т ь д л я г о в о р я щ и х*. На основе данного вывода вся теория коммуникативных качеств речи должна быть рассмотрена заново.

В принципе полностью поддерживая изложенную концепцию, отметим наличие дискуссионных положений. Одно из них связано с истолкованием фатической речи как речи, сосредоточенной на себе самой ("в качестве коммуникативно-семиотической ценности фатической речи выступает сама речь"). На наш взгляд, здесь фиксируется лишь частная позиция. Общая же заключается в том, что речь используется не для передачи предметно-логической информации, а для передачи информации о совместности речевого действия и его соответствии правилам общения в данном социуме.

В связи с этим возникает вопрос о речевом и психологическом субстрате фатики: